



биографический очерк опубликован в Сборнике «Оккультизм и Йога» № 25 (1961 г.)

Имя Веры Ивановны Крыжановской (Рочестер) хорошо известно как русской, так и иностранной читающей публике. Для большинства она была откровением, часто первым звеном в цепи оккультного восхождения души в Царство Света, при чем даже и не склонных к мистицизму она умела завлечь в «мир таинственного» непревзойденно-увлекательной фабулой своих оккультных романов.

К сожалению, вокруг имени Веры Ивановны и ее произведений с течением времени накопилось много нелепых представлений, превратных мнений и совершенно ложных суждений. Особенно возмутительны и нелепы обвинения в «нехристианстве» Веры Ивановны и ее творений. Только омраченность мышления, свойственная фанатикам религий, могла создать столь превратное и оскорбительное мнение о человеке, христианство которого было искреннее и глубокое, не облеченное лишь в ортодоксально-религиозные формы. Дух ее писаний почерпан от духа Истины, Добра и Красоты. И Вера Ивановна исповеднически доказала это последними годами своей земной жизни.

Сознательные русские оккультисты и эзотерики без различия школ и направлений должны сердечно чтить образ этой большой русской женщины, которая с такой любовью и преданностью послужила человечеству на тернистом пути оккультного просвещения.

Для того, чтобы возможно полнее раскрыть душу этой удивительной женщины, показать образ ее в истинном свете, мне придется коснуться вещей, которые многим могут показаться необычайными, почти фантастичными. И все-таки факты остаются фактами, истина всегда непреложна и неизменна.

Предлагаемый очерк мы разделили на две части: в первую вошли данные о внешней, описательной стороне ее жизни, а во второй мы изложили ее оккультно-эзотерическую биографию, которая, в сущности, и является единственным верным ключом к тайникам ее души.

2-го (по новому стилю 14-го) июля 1861 года в Варшаве в семье генерала Ивана Антоновича Крыжановского родилась дочь, при крещении по православному обряду получившая имя Веры. Ранние годы девочка провела окруженная заботами горячо любившей ее матери, в условиях полной материальной обеспеченности.

Отец Веры Ивановны, человек занятой, всецело предоставил жене воспитание своей дочери. Ребенок рос в атмосфере всеобщей любви и внимания, его очень баловали, и все-таки всегда оставался приветливым, серьезным, но вместе с тем и жизнерадостным, шаловливым. Особое доверие и расположение питала девочка к старшей сестре своей, сделав ее подружкой и поверенной своих детских тайн и шалостей. Эта глубокая и нежная дружба, несмотря на большую разницу лет, бывшую между ними, тянулась до самой смерти сестры.

Наступило, наконец, время, когда родители Веры Ивановны должны были позаботиться о серьезном образовании своей дочери. Решено было отдать девочку в Екатерининский институт в С. Петербурге, где она пробыла несколько лет ученицей-пансионеркой. К сожалению, по обстоятельствам жизни Вере Ивановне не удалось окончить института, так как ее семью постигло большое несчастье: сперва разоренье (их имущество было описано и продано с молотка из-за неудачного поручительства генерала Крыжановского за одного из своих товарищей), а затем и скоропостижная смерть отца.

Горе протянуло свои щупальца и затянуло серой слизью радость молодой души. Это было первое настоящее горе в безоблачной до сих пор жизни молодой девушки. Но оно не сломило ее, - не даром сердце ее горело пламенем горячей веры, которая никогда в ней не угасала. «Да будет воля Твоя», шептала она сперва растеряно, но затем все с большей силой, все с большим упованием. И эта уверенность в Высшее Водительство дала ей силы морально поддержать своих подавленных горем близких.

Вскоре после смерти своего отца Вера Ивановна, едва имея 18 лет отроду, приступила к литературной деятельности, которая со временем принесла ей литературную славу и богатство.

Начало литературной карьеры Веры Ивановны совпадает с знакомством, а затем и замужеством с человеком значительно старшим ее – камергером С. В. Семеновым, который занимал крупное служебное положение при Дворе (в канцелярии Его Величества). Это был представительный, красивый, галантный мужчина, которому так импонировало золотое шитье камергерского мундира; он был спиритуалистом и очень хорошим человеком, но вместе с тем и большим вивером. Была ли счастлива с ним Вера Ивановна? На этот вопрос мы затрудняемся дать ответ, но она любила его, это вне всякого сомнения. Вскоре у них родилась дочь Тамара. К этому времени литературное имя Веры Ивановны сделалось уже достаточно известным, а через несколько лет и популярным.

Издание книг и жалованье камергера давало возможность вести широкий образ жизни; у них были свои лошади, автомобиль, великолепно обставленная квартира, Вера Ивановна имела возможность заказывать себе дорогие туалеты. Приемы и выезды поглощали немало времени, но несмотря на светский образ жизни, который вела писательница, она все же регулярно и много работала. Единственным крупным препятствием являлась болезнь (туберкулез легких), которая, несмотря на все усилия врачей, постепенно подтачивала ее силы. Но и эта страшная болезнь «чудесно» была устранена. Вера Ивановна окрепла, поправилась и с удвоенной энергией отдалась своему призванию.

Шли годы, жизнь текла спокойная, беззаботная, как тихие воды в радостном сверкании золотого солнца. Но вот грянула революция – и все сразу изменилось. Потекла кровь на улицах, захрустели осколки выбитых витрин под ногами бегущих прохожих. В жизни Веры Ивановны появились лица, много лиц, пьяных, жестоких и грубых, не то людей, не то животных. Под звуки сухих выстрелов и стонов человеческих рождалось новое государство. Вере Ивановне не оказалось места в родном краю – и она принуждена была бежать в туман неизвестного. В неведомый, воистину крестный путь отправилась больная, маленькая старушка вместе со своей дочерью. И вряд ли бы кто узнал в ней когда-то блестящую даму общества, милую, обаятельную Веру Ивановну.

Со времени революции, казалось, беспощадный Рок стал преследовать Веру Ивановну, не давая ей отдыха до самой смерти. Страдания и горе являются неизменными спутниками ее угасающей жизни. Чего только не пережила она за последние семь лет своего земного бытия: трагическую смерть мужа, жестокое гонение за проповедуемые идеи, потерю близких и любимых людей, мытарства изгнания, унижение, голод, вновь пробудившуюся изнурительную болезнь, предельную нужду. Чаша перенесенных ею мук и страданий не могла быть горше и полней...

«Не стану описывать всех мытарств, пока мы добрались сюда», писала она. «Жизнь порой становится так неспособна, что только религиозная настроенность и вера в загробную жизнь запрещала мне покончить самоубийством». И так говорил человек стойкий, энергичный, воля которого была упорна и гибка, как сталь.

Бежав из Советской России, Вера Ивановна не нашла в приютившей ее Эстонии средств для хотя бы сносного существования. Непосильный для нее физический труд на лесопильном заводе «Форест» в Нарве, где она провела более двух лет, безусловно подорвал и без того ослабевшие силы; прозябание по разным хибаркам и лачугам, недоедание, а порой и настоящий голод, отрешье, которым несчастная прикрывала свое больное тело в зимнюю стужу и осеннее ненастье, – все это содействовало возвращению ее тяжелой болезни. Переезд в Ревель (Таллинн) в марте 1922 года не изменил ее бедственного трагического положения. Отсутствие средств делало совершенно невозможным для Веры Ивановны заняться изданием своих книг, единственным, на что способна была писательница в условиях своей изгнаннической жизни. Потому ей и не удалось улучшить свое материальное положение.

К тому же, в те годы, когда общественная и частная жизнь не только в Эстонии, но и в других странах после грандиозной разрухи мировой войны едва налаживалась, интерес в обществе к философско-эзотерическим проблемам был весьма слабым. После ужасов пережитого среднее сознание стремилось к обыденным, мирным, налаженным формам жизни, вне всяких порывов к «выспренной фантастике оккультизма».

Книгоиздательские попытки Веры Ивановны неизменно оканчивались полной неудачей, быть может, и потому, то ей кармически, по-видимому, приходилось сталкиваться с людьми грубыми и недобросовестными, которые, пользуясь полной неопытностью и доверчивостью писательницы, умело ее эксплуатировали. Пробовала Вера Ивановна работать и в местных газетах, но редакции с неохотой принимали статьи «жалкой, из ума выжившей старухи» и туго выплачивали причитающийся ей грошовый гонорар...

Единственной отрадой Веры Ивановны в ее страдальческой жизни была дочь Тамара и несколько друзей-почитателей. Лишь их заботами она не умерла все же голодной смертью, не чувствовала себя совершенно брошенной и ненужной.

Скончалась Вера Ивановна в Таллинне 29 декабря 1924 года, на 64-м году своей жизни. Скончалась в маленькой, убогой комнатке, на старой железной кровати. Только двое присутствовало при последних ее минутах: дочь Тамара и верный друг их дома. Горячие крупные слезы катились из их глаз, падали на старое, истрепанное одеяло, прикрывавшее разметавшееся в смертельной агонии и уже холодеющее тело человека, исполнившего свой долг перед Богом и людьми.

Так «ливень кармы», бивший последние семь лет изнемогавшую женщину, не прекращался до последней минуты ее развоплощения. На ней точно исполнились слова Евангельской притчи: «не выйдешь из темницы, пока не заплатишь и последнего кодранта»: предаваемое земле тело не имело даже рубашки...

Смертные останки Веры Ивановны погребены на Ревельском (Таллиннском) Александровском кладбище.

Знакомясь с биографией Веры Ивановны, мы затронули лишь внешнюю сторону ее жизни. Обратимся теперь к рассмотрению другой стороны ее биографии – внутренней, сокровенной. Здесь мы тотчас же столкнемся с целым рядом фактов, явлений и сил, которые говорят нам о незаурядности личности Веры Ивановны и свидетельствуют, во-первых, о ее большой психической силе и, во-вторых, - о высоко настроенном духовно-душевном складе ее существа.

Оккультно-мистическая биография Веры Ивановны, пожалуй, не по сознанию среднего читателя. Вскрывая тайник души этой удивительной женщины, мы соприкоснемся с целым рядом явлений совершенно фантастических для неподготовленного сознания. «Необычайное» в ее жизни не носило случайный характер «оккультного феномена», но им ткалась сама духовная структура покойной писательницы. Уже с ранних, даже младенческих лет окружена была Вера Ивановна необычайными явлениями. Интересно отметить, что некоторые из них оставались резко запечатленными в сознании самого младенца. Оккультизм знает о таком состоянии сознания, свидетельствующего о степени души близкой к Посвящению. Но иначе и быть не могло, ибо девочка родилась «одаренная» Богом с наличием сил, за обладание которыми боролись «Небо и ад». С течением времени, подрастая, ребенок все больше сознательно относился к странностям, окружавшим его, а полное доверие и понимание, которое он встречал со стороны своих родных (они все были оккультистами) способствовали укреплению и некоторому развитию его сверхчувственных сил.

Так росла девочка, соприкасаясь с взаимно-пересекающимися плоскостями обоих миров, до поступления своего в институт. Там ясновидение ее почти исчезло, но взамен этого обнаружилась необычайная сенситивность и наличие сил чисто медиумического порядка. Последние были обнаружены совершенно случайно. Дело в том, что девочка очень огорчала своих школьных наставников прямо-таки феноменальной неспособностью маломальски прилично связать пару фраз сочинения. Это отсутствие хотя бы удовлетворительного литературного стиля причиняло много слез девочке в то время и много неприятностей в гораздо более поздний период, когда она стала известной писательницей. Звучит это странно, даже неправдоподобно, но это так! Вера Ивановна не была писательницей ни в прямом, ни в косвенном смысле этого слова, но Высшие Силы сделали ее таковой, воспользовавшись ее медиумическими способностями.

Впервые способность Веры Ивановны как пишущего медиума проявилась в институте. В классе было задано сочинение на какую-то трудную тему – и ученицы должны были написать ее к следующему дню. Бедной девочке оно доставило много забот и огорчений, но все ее усилия были бесплодны. Наконец, утомленная она решила лечь спать, с намерением утром встать пораньше и хоть что-нибудь набросать на почти чистых листах бумаги. Засунув тетрадь под подушку, она тотчас уснула, а утром, встав, она увидела, что тетрадь была полностью исписана, и притом ее почерком. Сочинение было готово и на целых пять баллов. С тех пор началось пописывание ею «таинственных сочинений», сперва в состоянии транса, а затем просто механически. Смерть отца и разорение семьи принудили Веру Ивановну покинуть институт и взяться за поиски какой-либо работы.

К этому времени относится пережитое ею громадное оккультное событие: она впервые увидела своего невидимого Покровителя, друга и Учителя – Рочестера. Последний, воспользовавшись отчасти силами самой Веры Ивановны, но главным образом своими колоссальными реализационными знаниями, материализовался полностью и предложил ей отдать окончательно свои силы на служение Добру и писать под его руководством, на что Вера Ивановна с радостью и согласилась.

Эта встреча, эта возможность видеть другое существо, отличное от человеческой эволюции, наполнило душу Веры Ивановны глубокой радостью и оставило в ней неизгладимый след на всю последующую жизнь; но в скором времени после того произошла другая встреча с представителем мирового зла; это было громадное, отвратительного образа существо, явившееся к ней с подобным предложением – посвятить себя на служение злу.

История этих двух встреч имела свое продолжение и после физической смерти Веры Ивановны. Развоплощенная давала об этом подробные записи, пользуясь рукой своей дочери, тоже сильного медиума.

Очевидно, эти знаменательные встречи имеют также и символическое значение. На пути своего эволютивного развития душа оказывается на той ступени, где ей предлагается сознательное и бесповоротное отречение от зла, как бы и в чем оно не проявлялось на ее пути.

Со времени встречи Веры Ивановны с Рочестером началось их совместное сотрудничество. Будучи случайно сенситивной, Вера Ивановна неизменно ощущала присутствие своего незримого друга, который с удивительной быстротой водит карандашом медиума по белым листам бумаги.

Писали они много и долго, и удивительно, что эта утомительная работа в продолжении многих лет несколько не отразилась на хрупком организме медиума. После работы Вера Ивановна ложилась лишь отдохнуть, слегка утомленная громадным нервным напряжением.

Рочестер писал сначала на французском языке, идеальном по своему стилю и литературной обработанности, и всех, не знавших ничего об истинном авторстве писаний Веры Ивановны, поражал совершенная несуразность разговорного, едва удовлетворительного французского языка, которым она владела, с безукоризненным языком ее произведений. Это навсегда осталось для них в области неразгаданного. Но когда Вера Ивановна получила почетное звание l'Officier de l'Academie Francaise - сотрудника Французской Академии за свои труды и главным образом за точное описание быта древнего Египта в своем романе «Железный канцлер древнего Египта», написанный

прекрасным французским языком, и почетный отзыв Российской Императорской Академии Наук за роман «Светочи Чехии», передающий с исторической правдивостью и точностью уклад жизни и нравы чехов времени Яна Гуса, - не оставалось ничего иного, как признать Веру Ивановну «женщиной непонятной и странной».

Параллельно своеобразной своей литературной деятельности много душевных сил отдавала Вера Ивановна специфически-оккультной работе. Мы имеем ввиду ее спиритический кружок. Сеансы, на которых проявлялись феноменальные медиумические силы Веры Ивановны, устраивались в обстановке строжайшего контроля в условиях возможно-научно обставленных. И все-таки, на сеансах происходили такие удивительные феномены, что перед ними склонялись даже самые яркие скептики.

Многие удивятся, узнав, что спиритическая деятельность Веры Ивановны в свое время создала ей славу многим большую литературной. И лишь исключительная скромность и определенное нежелание сделаться известной своими способностями в области чисто спиритической работы послужила причиной того, что эта ее известность не выходила из рамок ею же определенных. Достаточно упомянуть, что на сеансах иногда присутствовал Цесаревич Николай Александрович – будущий Император Николай Второй. Там ему было предсказано несчастье на Ходынке и трагическая смерть.

Внезапное ухудшение здоровья, несмотря на усиленное лечение, заставило Веру Ивановну приостановить всякую работу, но тогда появилась неожиданная помощь в лице другого ее невидимого и до тех пор неведомого друга, доктора Амбруаза Паре, который взял лечение больной в свои руки и быстро поставил ее на ноги. Как известно, Вера Ивановна «чудесно» поправилась и вновь отдалась своей плодотворной деятельности.

Работая под руководством Рочестера и получая от него ценные указания в области оккультного знания, Вера Ивановна неоднократно приходила в соприкосновение и с доктором Паре, который ознакамливал ее с данными оккультной медицины. Эти познания возвышали ее над уровнем так называемых «знатоков дела». И, действительно, ее лечение некоторых больных, обыкновенно тех, которых адепты официальной науки ставили под рубрику «безнадежных», неизменно увенчивалось успехом. Но и как целитель Вера Ивановна была известна немногим.

Когда наступили годы развала и хаоса, Вера Ивановна волей неволей очутилась в омуте жизни, оторвавшись от своего гармонического существования. Тогда волны житейской грязи, нужды, горя и разочарования в людях подхватили ее, но не смогли захлестнуть. Среди тьмы окружавшей ее жизни луч света незримо всегда озарял ее душу, соединяя с любимыми, близко-далекими Наставниками. Мысль о Них всегда вызывала ответный знак, иногда даже видимый, свидетельствующий о том, что связь не порвана.

Вера Ивановна представляла удивительное сочетание типично медиумических способностей с ясновидением и знанием магических сил. Однако, свои поразительные оккультные силы и способности она никогда не употребляла не во благо ближнего. Даже в тяжкие годы изгнания, когда искушение было столь велико и знание поэтому и казалось таким обременительным, нравственно и физически разбитая Вера Ивановна все же стойко боролась с одолевавшим ее желанием использовать эти силы для своего личного блага, памятуя, что всякое уклонение с Пути одновременно удаляет ее от своих незримых Покровителей. Она считала, что лучше прожить еще несколько лет в мучительных условиях, подчиняясь судьбе, чем снова надеть новые цепи кармы, притягивающие ее к «миру печали и слез», из которого она рвалась на волю всеми фибрами своей пламенеющей к Истине души.

Физическая смерть разрешила усталую душу от бремени земных уз и вознесла ее к тому Свету, по сравнению с которым наше земное солнце – лишь тусклое мерцание светлячка в космической ночи Вечности.

Всеволод Нымчак
Таллинн
1935 г.